

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КУКМОРСКОМ ДИАЛЕКТЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

1. Кукморский диалект удмуртского языка, как и литературный удмуртский язык, располагает синтаксическим и морфологическим способами грамматического словообразования. Морфологический тип словообразования в удмуртском языке представлен почти лишь суффиксацией; префиксальный и суффиксально-префиксальный способы ввиду малочисленности и непродуктивности удмуртских приставок свойственны удмуртскому языку в очень незначительной степени.

Префиксы *коть-*, *оло-*, *но-* (~*нено-*, кукм. *ni-no-*) в словообразовательной функции выступают лишь в сфере местоимений и местоименных наречий: *котькин* (кукм. *ko-fkiñ*) 'каждый, всякий' (*кин?*, кукм. *kiñ?* 'кто?'), *котькӧня* (кукм. *ko-fkõña*) 'сколько угодно' (*кӧня?*, кукм. *kõña?* 'сколько?'), *котькытын* (кукм. *ko-fkätän*) 'везде, повсюду, где угодно' (*кытын?*, кукм. *kätän?* 'где?'); *олокин* (кукм. *o-lokiñ*) 'кто-то, некто', *олокӧня* (кукм. *o-lokõña*) 'сколько-нибудь, сколько-то, несколько', *олокытын* (кукм. *o-lokätän*) 'где-то, неизвестно где'; *нокин* (*ненокин*, кукм. *ni-pokiñ*) 'никто', *нокӧня* (*ненокӧня*, кукм. *ni-nokõña*) 'несколько', *нокытын* (*ненокытын*, кукм. *ni-pokätän*) 'нигде'¹ и др.

Корневые морфемы типа *азь-*, *ки-*, *бер-*, *ог-*, *дур-* и другие, выступающие довольно регулярно в некоторых моделях сложных слов в качестве их первого компонента (*азь-басьтись* 'опережающий (в работе и т. д.)', *азь-ветлись* 'вожак, ходатай', *азь-вылтыны* 'опередить, превзойти', *азь-дор'яны* 'лицевать', *азь-кыл* 'предисловие', *ки-валтись* 'вождь, руководитель', *ки-нюртыны* 'расписаться', *ки-ултыны* 'присвоить, украсть', *ки-чӧлтыны* 'проявить инициативу', *бер-пум'яны* 'делать вывод', *ог-азеаны* 'объединять, сложить вместе', *ог-палэнтныны* 'отстранить', *ог-пӧртэм* 'однообразно, однообразный', *дур-басьтыны* 'защищать', *дур-басьтись* 'защитник' и др.), едва ли можно интерпретировать как полные приставки (правда, В. И. Алатырев склонен считать их приставками²). В данном случае надо учесть, что морфемы указанного типа в системе современного удмуртского языка, хотя и «приобре-

¹ Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 180, 181, 184, 298.

² В. И. Алатырев, Процесс возникновения приставок в удмуртском языке. — Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии Наук СССР, № 2, Петрозаводск 1948, стр. 126—127 (в примерах сохранена авторская орфография, отличная от современной удмуртской орфографии); его же, Вопросы удмуртского языкознания I, Ижевск 1959, стр. 14.

тают новое качество», но «в то же время сохраняют свое старое качество»³, т. е. «выполняя роль аффиксов, в той или иной степени формализовались, но вместе с тем еще не перестали осознаваться радикальными». ⁴ Такие морфемы переходного типа «с очень абстрактной семантикой, близкой к словообразовательному значению аффиксов, исполняющие в слове функции суффиксов или приставок», но в то же время продолжающие «оставаться и четко осознаваться корневыми морфемами или основами, сохраняющими свои семантические и генетические связи с соответствующими корнями», принято называть аффиксоидами (словоэлементами, полуаффиксами).⁵ Аффиксоидами — точнее, префиксоидами — и являются, на наш взгляд, удмуртские *ки-* (ср. *ки* 'рука'), *азь-* (ср. *азь* 'перед, фасад; передний'), *бер-* (ср. *бер* 'задняя часть, задний; след'), *ог-* (ср. *ог* ~ *одӱг* 'один, единичный'), *дур-* (ср. *дур* 'край, окраина; опушка (леса)') и др. Следовательно, говорить о приставочном или приставочно-суффиксном способах словообразования имен и глаголов применительно к удмуртскому языку с научной точки зрения не совсем верно.

2. К синтаксическим образованиям относим как сложные слова, так и словосочетания, служащие для обозначения одного предмета, понятия или лица. В языках агглютинативного типа нелегко провести формальное отграничение композит от словосочетаний.⁶ Не ставя перед собой такую сложную задачу, дадим лишь небольшой список композит и лексикализованных словосочетаний, характерных, как нам кажется, только для изучаемого диалекта:

a'žātek veran 'стих, стихотворение' (*a'žātek* 'не глядя, не смотря; наизусть' и *veran* 'говорение, рассказывание; рассказ'), ср. удм. лит. *кылбур*;

a'žātek veran gožžaš 'поэт, стихотворец' (*a'žātek veran* и *gožžaš* 'пишущий, писец'), ср. удм. лит. *кылбурчи*;

arña-ber (ВЮ, НК) 'суббота' (*arña* 'неделя; выходной день, воскресенье' и *ber* 'зад; после, вслед за', т. е. день, следующий за выходным — пятницей: раньше кукморские удмурты отдыхали, подобно магометанам, в пятницу), ср. удм. лит. *суббота*, устар. *кӧс нунал*; лельв. *arñana'ц*, юмьин. *arñana'ц* ~ *arñanal*, учин. *arñanal* 'воскресенье' (*arña* и *na'ц*, *na'ц*, *nal* < *nānal* 'день'), ср. удм. лит. *арня нунал*; лельв. *biger arñana'ц* 'пятница' (*biger* 'татарин, татарский' и *arñana'ц*), ср. удм. лит. *пятница*; *biger sugon* 'лук-батун' (*biger* и *sugon* 'лук');

čakkuso 'косарь (орудие)' (*čak* 'лучина' и *kuso* 'коса');

čuzaraj anaj (ВЮ, СҚан.) 'мачеха' (*čuzaraj* 'сестра матери' и *anaj* 'мать'), ср. удм. лит. *сюранай*;

dera vlaton 'рубель' (*dera* 'холст, холстина' и *vlaton* 'разглаживание, предмет для разглаживания');

gerākort (ВШ, НУ, НК, П, ПС) 'лемех' (*gerā* 'плуг, соха' и *kort* 'железо, железко'), ср. удм. лит. *амезь*;

³ В. И. Алатырев, Вопросы удмуртского языкознания, стр. 15.

⁴ Н. М. Шанский, Очерки по русскому словообразованию, Москва 1968, стр. 89.

⁵ Н. М. Шанский, указ. раб., стр. 89—90. См. также М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, Москва 1953, стр. 78—79.

⁶ Эти вопросы были уже рассмотрены на материале отдельных финно-угорских языков — венгерского (см. К. Е. Майтинская, Венгерский язык II, Москва 1959, стр. 147—150), коми-язьвинского диалекта (см. В. И. Лыткин, Коми-язьвинский диалект, Москва 1961, стр. 48) и др. Выработка четких критериев для отграничения сложных слов от словосочетаний в удмуртском языке требует специального изучения с привлечением обширного материала.

korka žǎlti uškiis (ВЮ) 'жираф(а)' (*korka žǎlti* 'поверх дома, через верх дома' и *uškiis* 'глядящий, смотрящий'), ср. удм. лит. *жираф*;

kõjma urobo 'колымага, кибитка, служившая в прошлом для умыкания невесты' (*kõjma* 'забор, изгородь' и *urobo* 'телега, повозка');

lampǎvõj 'керосин' (*lampǎ* 'лампа' и *võj* 'масло'), ср. удм. лит. *керосин*;

pokči anaj (И) 'мачеха' (*pokči* 'младший' и *anaj*), ср. *šičaraj anaj*; *poštem kǎšet* 'тряпка, тряпье' (*poštem* 'изношенный, износившийся' и *kǎšet* 'платок'), ср. удм. лит. *зустыри*;

puden buran 'поземка' (*puden* 'пешком, пеший' и *buran* 'буран, пурга, метель'), ср. удм. лит. *пельскон*;

pǎdǎn muskǎlan (ВЮ) 'самодельные деревянные коньки, обитые снизу железом' (*pǎdǎn* 'пешком, ногами' и *muskǎlan* 'катание; предмет для катания');

sukǎr lampǎ (ВЮ, НК) 'коптилка' (*sukǎr* 'слепой' и *lampǎ*);

sõdvi 'чернила': *gort sõdvi* 'красные чернила', *lǎz sõdvi* 'фиолетовые чернила', *vož sõdvi* 'зеленые чернила' (*sõd-* 'черный, грязный' и *vi* 'вода'), ср. удм. лит. *чернила*;

sõdvi pijala 'чернильница' (*sõdvi* и *pijala* 'стекло; бутылка, бутылка, стеклянная посуда'), ср. удм. лит. *чернильница*;

šǎtčurtǎ 'желудок' (*šǎt* 'суп' и *purtǎ* 'котел');

teŋkedis (НУ) 'кольчуга' (*teŋke* 'чешуя; монета; рубль' и *dis* 'одежда, одеяние');

tus uškǎtis 'фотограф' (*tus* 'цвет, масть; облик, портрет, фотокарточка' и *uškǎtis* 'копирующий, снимающий; копировальщик'), ср. удм. лит. *фотограф*;

tus uškǎton 'фотоаппарат' (*tus* и *uškǎton* 'снятие, копирование'), ср. удм. лит. *фотоаппарат*;

vǎlti lobaš (ВЮ, редкоупотребляемое) 'самолет, аэроплан' (*vǎlti* 'высоко, на высоте' и *lobaš* 'летающий; летун'), ср. удм. лит. *самолёт*;

ǎlǎrgon (ВЮ, СК, СЮ) 'медная руда' (*ǎl* 'сырой' и *ǎrgon* 'мед');

ǎrgon sit 'медный шлак, отбросы при выплавке меди' (*ǎrgon* и *sit* 'кал') и др.

Данный перечень сложных слов и лексикализованных словосочетаний кукморского диалекта (количество примеров можно было бы значительно увеличить) и их соответствий в литературном удмуртском языке свидетельствует о том, что названия многих предметов (явлений, лиц и др.) созданы в диалекте на удмуртском материале по синтаксическому способу словообразования, в то время как в литературном языке они либо заимствованы из других языков (*амезь, керосин, самолёт, пятница, фотоаппарат, чернильница* и др.), либо образованы морфологическим (*зустыри, кылбурчи, пельскон* и др.) или синтаксическим (*арня нунал, кõс нунал* и др.) способами.

Из этого можно сделать вывод, что синтаксический способ обладает в системе субстантивного словообразования кукморского диалекта большей продуктивностью⁷, чем в словообразовании существительных литературного языка.

⁷ В период проведения полевых записей нас чрезвычайно удивило то, с какой легкостью и простотой создаются в диалекте неологизмы. Не известный доселе старшему поколению кукморских удмуртов магнитофон «Репортер-33» получил в речи жителей д. Нижняя-Русь название *кçара uškǎton*, что примерно означает 'предмет

Возможности синтаксического способа образования существительных в кукморском и шошминском диалектах были учтены и продуктивно использованы в конце прошлого века переводчиками религиозной литературы на «казанский» диалект для передачи средствами удмуртского языка некоторых абстрактных понятий и предметов, не имевших удмуртского наименования. Так возникли, например, следующие выражения (правда, не все они в одинаковой степени удачны и не все являются авторскими новообразованиями): *jун арбери* 'твердь' (букв.: твердая вещь, твердый предмет), *кӧс инты* 'суша, материк' (букв.: сухое место), *музъем вылын ӧяса вэтлиц лулойослы* 'гадам ползучим' (букв.: по земле плавающая ходящим живым существам), *пис-пу бакча* 'сад' (букв.: огород с деревьями), *вӱ нюртон* 'потоп' (букв. затопление водой), *буш кыр* 'пустыня' (букв.: пустая (голая) степь), *сӧд калык* 'чернь' (букв.: черный народ, черный люд), *вӧс корка* 'храм, церковь' (букв.: молитвенный (священный) дом)⁸ и др. Несколько неологизмов подобного типа можно найти и в книге представителя кукморского диалекта И. С. Михеева: *сьӧдву понон* 'чернильница', *лӧтэм лулӧс* 'беспозвоночные', *чырдон корка* 'школа'⁹ и др.

3. Суффиксы словообразования существительных подразделяются на 1) субстантивирующие, т. е. такие, при помощи которых образуются новые имена существительные от существительных или других частей речи; 2) субъективной оценки, т. е. суффиксы, при помощи которых говорящий выражает свое отношение к тому или иному предмету или лицу. В данной статье рассматриваются функции — а в некоторых случаях и происхождение — суффиксов первой группы.

4. Отглагольные субстантивирующие суффиксы кукморского диалекта:

-(o)n: *uža-n* 'работа, процесс работы' (*uža-nā* 'работать, трудиться'), *puk-on* 'процесс сидения, сидение; стул' (*puk-ā-nā* 'сидеть'), *šād-on* 'игра, игрушка', *ul-on* 'жизнь';

-(e)m: *ul-em* 'жизнь' (*ul-ā-nā* 'жить'), *vera-m* 'высказывание, речь; завет' (*vera-nā* 'сказать, говорить'), *kwrt-em* 'подгорелая каша или молоко на дне котла', *gošt-em* 'написанное, запись; судьба, рок; злая участь';

-et: *völd-et* 'потолок' (*völd-ā-nā* 'стлать, стелить, расстилать, распротранять'), *vamāšt-et* 'шаг' (*vamāšt-ā-nā* 'шагнуть, сделать шаг'), *mert-et* 'мерка, мера, измерение', *urts-et* 'подкладка', *borž-et* 'крышка (посуды)';

-es: *kut-es* 'цеп' (*kut-ā-nā* 'держаться, ловить'), *pel-es* 'ушко' (*pel'uxo*), *pal-es* 'остаток, часть': *šijem pales* 'объедки';

-os: *pot-os* 'фурункул, нарыв' (*pot-ā-nā* 'выйти, взойти, нарываться'), *vand-os* 'скот, подлежащий убою', *čapк-os* 'пощечина', *sajk-os* 'рощисть'¹⁰, *nār-os* 'намордник' (*nār* 'нос').

(аппарат) для копирования, записи голоса (звука); копировка (запись, запечатление) голоса (звука)'. Данное лексикализованное словосочетание создано по аналогии с *tus uskätön* 'фотоаппарат'.

⁸ Священная история Ветхаго и Новаго Завѣта на вотяцкомъ языкѣ, Казань 1877, стр. 3—4, 9, 39, 41 (данный памятник интересен тем, что отражает некоторые фонетические и лексические особенности как шошминского, так и кукморского диалектов).

⁹ И. С. Михеевъ, Первая книга для чтенія на вотскомъ языкѣ, Казань 1907, стр. 8, 45, 46.

¹⁰ Слово *puštос* (< рус.) 'пустошь' фонетически преобразовалось по аналогии со словами на -os; возможно, определенное влияние на его фонетический облик оказало

Суффиксы *-es* и *-os* отличаются от предшествующих им других суффиксов тем, что они образуют имена существительные не только от глагольных, но и от субстантивных основ.

Эти регулярные суффиксы удмуртского языка потеряли уже в кукурморском диалекте, как и в современном удмуртском литературном языке, свою былую продуктивность (наибольшей продуктивностью обладали в прошлом суффиксы *-(o)n* и *-(e)m*, отчасти и *-et*).

5. К группе отыменных субстантивирующих относятся в изучаемом диалекте суффиксы *-lāk*, *-tala (-dala)*, *-čī -ńi*, *-go*, *-ga* и суффиксоид *-šor*.

5.1. При помощи *-lāk* образуются:

5.1.1. Имена существительные с абстрактным значением от качественных прилагательных: *kuž-lāk* 'длина' (*kuž* 'длинный'), *ōtkān-lāk* 'хитрость, находчивость, смекалистость' (*ōtkān* 'хитрый, смекалистый'), *uzār-lāk* 'богатство, состояние' (*uzār* 'богатый'), *šuzā-lāk* 'глупость' (*šuzā* 'глупый').

5.1.2. Имена существительные с абстрактным значением от конкретных существительных: *ekšej-lāk* 'царство, государство' (*ekšej* 'царь, государь'), *kuža-lāk* 'хозяйство'.

5.1.3. Имена существительные, обозначающие предмет по его назначению, от конкретных существительных: *daṇak-lāk* 'пригодный для косяка материал' (*daṇak* 'косяк'), *tumākor-lāk* 'пригодное для матицы бревно' (*tumākor* 'матица') и др.

Данный суффикс восходит в конечном счете к алтайскому языку-основе¹¹ и является в удмуртском языке непосредственным заимствованием из татарского языка.¹² Из финно-угорских языков, кроме удмуртского, он попал через чувашский и татарский языки в марийский.¹³

Продуктивность и семантические возможности суффикса *-lāk* были взяты на вооружение переводчиками религиозной литературы на удмуртский язык при создании некоторых абстрактных имен существительных: *кылызлэн дөрөслыгез*- 'истинность своего слова', *шектэмлык* 'невинность, непорочность', *вожпотонтэмлык* 'незлобивость, незлопамятность', *базымлыг*- 'величие'¹⁴ и др., а впоследствии, когда складывались основы удмуртского литературного языка, при помощи данного суффикса в разное время было создано немало философских, экономических, политических терминов и прочих слов с абстрактным или собирательным значением: *азинлык* 'успех', *азьпаллык* 'будущность', *быгатонлык* 'умение, способность', *валанлык* 'понятие', *ваньбурлык* 'имущество, богатство, состояние', *вузлык* 'товарность', *вынлык* 'братство', *геройлык* 'героизм, геройство', *дйсьтонлык* 'смелость, решительность', *дунлык* 'ценность', *егитлык* 'молодость', *зэмлык* 'правда, истина; правдивость', *кужымлык* 'мощность', *ōнерлык* 'промышленность', *трослык*

семантически близкое к нему слово *kušt-os* 'то, что подлежит выбрасыванию; отбросы' (*kušt-š-nā* 'бросить, выбросить, оставить, кинуть, покинуть').

¹¹ Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание. Морфология, Москва 1957, стр. 203—207.

¹² T. G. Aminoff, Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. — JSFOu XIV, 1896, стр. 23; B. Munkácsi, Votják nyelvtanulmányok. — NyK XVIII 1884, стр. 151.

¹³ М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угрофиннов Поволжья и Перми I, Чебоксары 1965, стр. 30—31; И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология II, Йошкар-Ола 1966, стр. 30—31.

¹⁴ Священная история Ветхаго и Новаго Завѣта на вотякомъ языкѣ, стр. 63, 93, 90.

'количество', *тушмонлык* 'враждебность', *ужазинлык* 'производительность труда', *устолык* 'искусство', *яранлык* 'годность, пригодность'¹⁵ и т. д.

Многие из этих новообразований утвердились в литературном языке. Процесс создания новых слов при помощи данного суффикса продолжается, поэтому вполне естественно утверждать, что суффикс *-лык* является одним из самых продуктивных в современном литературном языке¹⁶, в то время как в кукморском диалекте он входит, несмотря на относительно более высокую степень регулярности, в группу малопродуктивных.

5.2. Функции суффикса *-tala* почти совпадают с первой функцией суффикса *-lâk* (см. 5.1): оба образуют абстрактное имя существительное от качественных прилагательных с той лишь разницей, что *-lâk* имеет значительно большую сферу употребления, чем *-tala*, т. е. *-lâk* потенциально может сочетаться со всеми качественными и многими относительными прилагательными, в то время как последний — лишь с некоторыми прилагательными удмуртского (герр. финно-угорского или пермского) происхождения, обозначающими объемно-пространственные и весовые качества предметов. Суффикс *-tala* имеет две формальные разновидности. Алломорф с глухим анлаутом выступает после непроемных основ, оканчивающихся на глухой согласный, а алломорф со звонким началом — после основ на звонкий аулаут: *pašk-ât* 'широкий' — *paš-tala* (< **pašk-tala*) 'ширина', *zók* 'толстый' — *zók-tala* 'толщина', *šek-ât* 'тяжелый, трудный' — *šek-tala* 'тяжесть, вес', *kuž* 'длинный' — *kuž-dala* 'длина', *duž-ât* 'высокий' — *duž-dala* 'высота, вышина', *mur* 'глубокий' — *mur-dala* 'глубина'¹⁷ и др.

Суффикс *-tala* — сложный по происхождению — возник из непосредственного сочетания *-ta* и *-la*.¹⁸

Компонент *-ta*, идентичный суффиксу *-ta(-da)* пермских сопоставительных послелогов, образованных от прилагательных (удм., коми-зыр., коми-перм. *пасъта*, коми-язьв. *пáс'та* 'шириной с...'; удм. *жужда*, коми *джуджта* 'высотой (вышиной) с...'¹⁹), состоит в свою очередь из двух древних суффиксальных элементов. Элемент *-a* сопоставляется с *-a* в коми образованиях типа: *kuž-a* 'длина' (*kuž* 'длинный'), *yžt-a* 'величина' (*узул* 'большой'), *vyln-a* 'высота' (*vylyn* 'высокий'), *уln-a* 'дальность' (*уlyn* 'дальний')²⁰, в некоторых наречиях и послелогах (*пала* 'в сторону', *азьпала* 'вперед', *кузьа* (*кузя*) 'вдоль по'), удмуртского деепричастного форманта *-са* и показателями пермских инессива и иллатива притяжательного склонения (удм. *гурт-а-мы* 'в нашей деревне; в нашу деревню', коми-зыр., коми-перм. *вбр-а-ным* 'в нашем лесу; в наш лес').²¹

¹⁵ См. также В. М. Вахрушев, Общественно-политическая лексика в удмуртском языке. Канд. дисс., Москва 1955, стр. 197—199.

¹⁶ См. там же, стр. 197.

¹⁷ В именах подобного типа Б. А. Серебренников вычленяет суффикс *-ala*, а не *-tala* (Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 151), что не совсем верно как в синхроническом, так и диахроническом плане.

¹⁸ П. Н. Перевошиков, Краткий очерк грамматики удмуртского языка. — Русско-удмуртский словарь, Москва 1956, стр. 1282.

¹⁹ Грамматика современного удмуртского языка, стр. 321; Современный коми язык I, Сыктывкар 1955, стр. 267; В. И. Лыткин, Коми-язьвинский диалект, Москва 1961, стр. 78; Коми-пермяцкий язык, Кудымкар 1962, стр. 304.

²⁰ Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 150—151.

²¹ П. Н. Перевошиков, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск 1959, стр. 44—45.

Что касается *t*-ового элемента, то Э. Беке идентифицирует его с *-t* в пермском адъективном суффиксе *it* (\sim -*id*) и сопоставляет с мар. *-t* (\sim -*tš*, *-ts*): *kè-lyät, kè-lyät, ke-lyäts, ke-lyäts, kè-lyäts* 'Tiefe, von einer Tiefe von ...'; глубина, глубь; глубиной с' — *kelye, ke-lye* и др. 'tief; глубокий', параллели которого находит и в обско-угорских языках.²² В конечном счете этот суффикс восходит к финно-угорскому суффиксу отыменных прилагательных **t*.²³

В отношении происхождения *-la* Б. А. Серебренников придерживается мнения Т. Э. Уотилы, который связывает данный суффикс с элементом *-la-*, входящим в состав инессивного, элативного и иллативного показателей в названиях удмуртских населенных пунктов на *-ja* и *-ga*: *žimja-la-n, žimja-la-s, žimja-la* ($-\emptyset < *k$). Этот же элемент *-la* фигурирует в некоторых пермских наречных формах: удм. *ažla* 'vorher, zuerst', *ažla-pal* 'vorderseite', *ažlašan* 'von vorn' — *až* 'vorderes, vordergaum'; коми (у Видемана) *byd*: *bydla* 'jede seite, allseitigkeit', *bydlaö* 'überall hin' и др.; *viļ* 'neu': *viļla* 'neue stelle'. Словообразовательный суффикс *-l* в *-la* встречается, по мнению Т. Э. Уотилы, во многих родственных языках и входит также в состав прибалтийско-финских, марийских и пермских *l*-овых падежных формантов (ср. перм. адесс. *-len, -leñ*, аблат. *-liš, -leś*, аллат. *-li*).²⁴ Элемент *-a* в *-la* Т. Э. Уотила сопоставляет с *-a* в образованиях типа: удм. *kuža, kuža*, коми *bera, kuža*,²⁵ т. е. *-a* в *-la* идентичен *-a* в суффиксе *-ta* (см. выше).

5.3. Суффикс *-či* довольно продуктивен в диалекте. Он служит для образования имен существительных, обозначающих активного деятеля или соучастника в каком-либо деле. Как правило, он образует новые слова от субстантивных основ: *kebič* 'магазин, лавка' — *kebič-či* 'продавец, продавщица; устаревшее: торговец, владелец магазина', *kubâž* 'скрипка' — *kubâž-či* 'скрипач', *bazar* 'базар, рынок' — *bazar-či* 'тот, кто едет или съездил на базар', *veme-či* 'помочанин, участник помочи (толоки)', *tuno-či* 'гадалка, ворожея', *muzkañ-či* 'гармонист', *vuz-či* 'торговец, продавец, продавщица', *sandâk vuz-či* 'коробейник', лельв. *a'utâñ-či* 'золотых дел мастер, торговец золотыми изделиями': *čuž dâršâ puñad altâñ čuk altâñči šotem gažasa* (ВЮ) 'золотой накончик на конце твоих кос с любовью подарил золотых дел мастер' (из народной песни); *vuko-či* 'мельник; устаревшее: владелец (хозяин) мельницы', *pâšau-či* (ВЮ) 'охотник', *gošteč-či* (И) 'бухгалтер', *permâ-či* 'работник на ферме', *kučâ-či* 'пастух'. Окационально могут употребляться образования на *-či* от очень многих субстантивных основ; конкретное значение подобных дериватов уточняется в определенном контексте или ситуации, например: *ñuče-či* 'лесоруб, дровосек' или 'тот, кто поехал или съездил в лес за чем-либо', *turâm-či* 'человек, поехавший за сеном', или 'человек, привезший сено', или 'человек, продающий сено', *kuro-či*

²² Ö. Beke, Zur Geschichte einiger permischen Nominalbildungssuffixe. — ALHung. II 1953, стр. 343, 345—348; см. также Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 166.

²³ T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe (= MSFOu LXXII), Helsinki 1936, стр. 270—273.

²⁴ T. E. Uotila, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen (= MSFOu LXV), Helsinki 1933, стр. 198—199; Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 151.

²⁵ T. E. Uotila, указ. раб., стр. 199.

'тот, кто поехал (едет, поедет) за соломой; тот, кто привез (продает) солому' и т. д.

Суффикс *-čĭ*, восходящий к алтайскому языку-основе²⁶, попал в удмуртский язык непосредственно из татарского.²⁷ Причем сфера его употребления в удмуртском языке значительно уже, чем в языке-источнике, где он может присоединяться как к именной (*тимер-че* 'кузнец', *балык-чы* 'рыбак', *республика-чы* 'республиканец', *гайбэт-че* 'сплетник', *хыянэт-че* 'предатель'), так и глагольной (*уку-чы* 'ученик', учащийся', *язу-чы* 'писатель', *сату-чы* 'продавец', *кету-че* 'пастух') производящим основам.²⁸ Ограничение сферы функционирования суффикса *-čĭ* в удмуртском языке лишь кругом именных основ связано, по всей вероятности, с тем, что помина *agentis* от глагольных основ образуются в нем при помощи продуктивного суффикса *-(i)š*, например: удм. лит. *ужа-сь* 'работающий; работага; работник, рабочий' (*ужа-ны* 'работать, трудиться'), *кырза-сь* 'поющий; певец, певун' (*кырза-ны* 'петь'), *дышет-йсь* 'обучающий; учитель; дрессировщик' (*дышет-ы-ны* 'учить, обучать; приучать; дрессировать'), *экт-йсь* 'пляшущий, танцующий; плясун, тансор' (*экт-ы-ны* 'плясать, танцевать').²⁹ Таким образом, *-čĭ* и *-(i)š*, находясь в отношении дополнительного распределения³⁰, выполняют в деривационной системе удмуртского языка почти те же самые функции, что и суффикс *-чы ~ -че* в системе субстантивного словообразования современного татарского языка (впрочем, сужение функций языкового элемента при заимствовании из одного языка в другой — явление довольно обычное).

5.4. Суффикс *-ñi* встречается лишь в нескольких словах кукморского диалекта: *vandoñ-ñi* 'место, где перерезано горло животного при убое' (*vandon* 'убой, закалывание'), *òsoñ-ñi*: *òsoññijam koškiz* 'меня затошнило' (букв.: пошло в мое рвотное место) (*òson* 'рвота').

Данный суффикс, имеющий значение 'место действия', довольно продуктивен в глазовском диалекте удмуртского языка³¹, некоторых гово-

²⁶ Г. И. Рамстедт, указ. раб., стр. 208—209.

²⁷ F. J. Wiedemann, Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche, Reval 1854, стр. 263; В. Мункácsi, указ. раб., стр. 151; F. J. Wiedemann, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St.-Petersburg 1884, стр. 70—71; Т. Г. Аминофф, указ. раб., стр. 23; Т. Е. Уотила, указ. раб., стр. 74; В. И. Алатырев, Вопросы удмуртского языкознания, стр. 156; Б. А. Серебряников, указ. раб., стр. 146; М. А. Kövesi, A permi nyelvek ősi képzői, Budapest 1965, стр. 38.

²⁸ Р. С. Газизов, Сопоставительная грамматика татарского и русского языков, Казань 1966, стр. 74.

²⁹ «Синонимичность» суффиксов *-čĭ* (у Видемана *-tši, -tsi, -si*) и *-(i)š* (у Видемана *-yš, -iš, -aš*) замечена еще Ф. И. Видеманом (F. J. Wiedemann, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, стр. 71).

³⁰ Слова типа *кылбурчи* 'поэт, стихотворец' — *кылбурась* 'сказитель; стихотворец, поэт' или *бнерчи* — *бнерась* 'ремесленник, кустарь' могут создать впечатление, что якобы суффиксы *-чи* и *-ась* способны образовывать новые слова от одних и тех же субстантивных производящих основ (в данном случае от *кылбур* 'стихотворение' и *бнер* 'ремесло'), т. е. находятся в некоторых случаях в отношении контрастирующей дистрибуции. В действительности же подобное впечатление иллюзорно, поскольку в словах *кылбурась* и *бнерась* мы имеем дело не с именными (*кылбур-* и *бнер-*), а с глагольными производящими основами *кылбура-* 'причитать', мастерски исполнять произведение устного народного творчества: сочинять стихи' *бнера-* 'заниматься ремеслом, ремесленничать' с суффиксом *-сь*.

³¹ В. М. Вахрушев, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 19, Ижевск 1959, стр. 235.

рах средневосточного диалекта (в форме *-ni*: *užanni* 'место работы, рабочее место', *turnanni* 'покос; участок, отведенный или предназначенный для косьбы' и др.)³², не абсолютно чужд он и литературному удмуртскому языку.³³ По мнению исследователей, он восходит к самостоятельному слову *inti, intâ* 'место'.³⁴

5.5. В кукморском диалекте суффикс *-go* не создает регулярного словообразовательного типа; он обнаружен нами лишь в двух именах существительных, образованных от звукоподражательных и звукоизобразительных слов: *boz-go* 'навозный жук' (ср. *boz-boz* — звукоподражание гулкому жужжанию насекомого или грубому басистому голосу, *božāres* 'грубый (о голосе)'), *ñuš-go* 'медлительный, неповоротливый, неторопливый человек, тихоня' (ср. *ñuš kâškânâ* 'волочить, тащить волоком', *ñuš ve'lânâ* 'ходить, еле таская ноги; пресмыкаться' и др.).

Этимологически связан с данным суффиксом и аффикс *-ga*, вычленимый нами в слове *kuž-ga* 'человек с хриплым голосом; нервный и капризный ребенок, обладающий пронзительным голосом; крикун, плакса' (ср. *kuž-kuž* — звукоподражание хрусту, голосу селезня, *kuž-get-â-nâ* 'есть с хрустом (например, капусту), кричать (о коростели, селезне)'; вероятно, с данной группой родственных слов связано и *kuž-â* 'коростель').

На вопросе о происхождении удмуртских суффиксов *-go, -ga* никто, как нам известно, специально не останавливался. На наш взгляд, данные морфемы состоят из двух элементов: *-g-* и *-o, -a*. Элементы *-o* и *-a* можно идентифицировать с удмуртским посессивным суффиксом *-o* (коми-зыр. и коми-перм. *-a < *a*), который спорадически может реализоваться в исследуемом диалекте и в алломорфе *-a*.³⁵

Что касается элемента *-g*, то он вполне сопоставим с *-g-* в составе морфемы *-get ~ -ket*, образующей глаголы от звукоподражательных и междометных корней: *boz-get-* 'жужжать', *ñâs-ket-* 'скулить (о щенке)',³⁶ и далее суффикса сравнительной степени имен прилагательных *-ges ~ -gem*.³⁷

5.6. Специфичным для кукморского диалекта является суффиксоид *-šor*, образующий имена существительные от основ отглагольных имен на *-(e)m* и *-(o)n*.

5.6.1. В сочетании с *-(e)m* формант *-šor* образует слова, обозначающие результат действия, выраженного основой глагола: *lešt-em-šor* 'сделанное; то, что сделано' (*lešt-â-nâ* 'делать, строить'), *uža-m-šor* 'результат работы; то, что сделано (выполнено)' (*uža-nâ* 'работать'), *turna-m-šor* 'то, что (сколько) накошено', *kutsa-m-šor* 'то, что (сколько) смо-

³² С. К. Бушмакин, Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. — СФУ V 1969, стр. 61.

³³ П. Н. Перевощиков, Краткий очерк грамматики удмуртского языка. — Удмуртско-русский словарь, Москва 1948, стр. 401.

³⁴ Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 147.

³⁵ См. об этом: В. К. Кельмаков, Некоторые особенности словообразования имен прилагательных в кукморском диалекте удмуртского языка. — СФУ V 1969, стр. 134.

³⁶ На этимологическую связь *bozgo* 'навозный жук' и *bozgetyny* 'жужжать', в которых выступает генетически тождественный суффиксальный элемент *-g-*, указал также В. И. Алатырев (В. И. Алатырев, Образование, значение и история имен с формой *-es*, Ижевск 1962, стр. 57).

³⁷ О происхождении *-ges ~ -gem* см. Y. Wichmann, Etymologisches aus den permischen sprachen. — FUF XIV, Helsinki 1914, стр. 89; T. E. Uotila, указ. раб., стр. 139; D. R. Fuchs, Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen. — FUF XXX, Helsinki 1949, стр. 165.

лочено', *čida-m-šor* 'терпение; то, сколько вынесено', *ul-em-šor* 'то, сколько прожито; порядок в жизни'; *užamšoräd evol aj, žaу karân târtsa källiškot* (ВЮ) 'еще нет результатов работы (работы еще не видать), думаешь об отдыхе'.

Данная модель непродуктивна, она охватывает лишь десяток глагольных основ с результитивной семантикой.

5.6.2. Существительные на $-(o)n \dashv -šor$ мало чем отличаются от существительных на $-(o)n$, пожалуй, первые более конкретны, чем вторые: *ul-on* 'жизнь' — *ul-on-šor* 'жизнь, нить жизни, жизненная колея', *šij-on* 'еда, кушанье' — *šij-on-šor* 'съестное, съедобное; то, что можно есть'; *oskonšor* 'надежда': *oskonšor bžmiz in* 'пропала уже [всякая] надежда'; *alilâ ni-nokâše, voštiškonšorjos ôj val-aj* 'пока никаких изменений не было'.

Модель малопродуктивна.

Суффиксоид $-šor$ восходит к самостоятельному слову *šor* 'середина, центр' (ср. коми *šer*), потерявшему в определенных условиях самостоятельное лексическое значение.

6. Как можно было заметить, в кукморском диалекте функционируют те же способы образования имен существительных, что и в удмуртском литературном языке. Некоторые отличия данного диалекта в этом отношении от литературного языка заключаются в следующем.

6.1. В диалекте в настоящее время относительно большую продуктивность имеет синтаксический способ образования новых слов (имен существительных), в то время как в удмуртском литературном языке, как показывают наши предварительные наблюдения, предпочтение дается морфологическому способу (суффиксации).

6.2. Генетически тождественные суффиксы имеют в деривационной системе диалекта и литературного языка неодинаковую продуктивность. Наиболее продуктивный в удмуртском литературном языке словообразовательный суффикс $-лык$ в кукморском диалекте малопродуктивен, если не сказать не продуктивен, и, наоборот, относительно продуктивный в диалекте суффикс $-či$ не продуктивен в словообразовательной системе литературного языка.

6.3. Суффикс $-ни$, проникший в литературный язык из североудмуртских диалектов, получил в нем в 1920—1930-е годы некоторую продуктивность (при его помощи были созданы, в частности, слова *книга поттонни* 'издательство', *электрпоттытонни* 'электростанция' и др.). В кукморском диалекте $-ni$ сохранился в рудиментарном порядке лишь в нескольких словах.

6.4. В диалекте появился суффиксоид $-šor$, отсутствующий в удмуртском литературном языке.

Сокращения

Названия населенных пунктов Кукморского и Мамадышского районов Татарской АССР: **ВЮ** — д. Верхняя-Юмья, **ВШ** — д. Верхняя-Шунь, **И** — д. Иштуган, **НК** — д. Новый-Канисар, **НР** — д. Нижняя-Русь, **НУ** — д. Нижняя-Уча, **П** — д. Пойкино, **ПС** — д. Починок-Сутер, **СК** — д. Студеный-Ключ, **СКан.** — д. Старый-Канисар, **СЮ** — с. Старая-Юмья.

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

DIE FRAGEN DER BILDUNG DER SUBSTANTIVE IM KUKMORISCHEN DIALEKT DES UDMURTISCHEN

Für den kukmorischen Dialekt der udmurtischen Sprache sind dieselben Wortbildungsmittel der Substantive charakteristisch, die für die udmurtische Schriftsprache eigen sind. In den meisten Fällen stimmen auch die Suffixe, mit deren Hilfe die Substantive von den Verbal- *-(o)n*, *-(e)m*, *-et*, *-es*, *-os*) und Nominalstämmen (*-lâk*, *-tala* (*-dala*), *-či*, *-ni*, *-go*, *-ga*) gebildet werden, überein.

Einige Besonderheiten des Systems der substantivischen Wortbildung der kukmorischen Mundart im Vergleich zu dem der Literatursprache bestehen im folgenden:

1) Im betreffenden Dialekt ist die syntaktische Bildungsweise der neuen Substantive zur Zeit verhältnismäßig mehr produktiv, in der Literatursprache aber, wie es aus unseren vorläufigen Beobachtungen ersichtlich ist, wird die morphologische Bildungsweise (Suffixierung) bevorzugt.

2) Die dem Ursprung nach identischen Suffixe haben eine verschiedene Produktivität im Derivationsystem der Mundart und in dem der Schriftsprache. Zum Beispiel ist das produktivste Suffix in der Literatursprache das Suffix *-лык* und im kukmorischen Dialekt das Suffix *-či*.

3) Im Dialekt entstand während seiner selbständigen Entwicklung ein neues Suffix, das Suffix *-šor*, das in der Literatursprache fehlt. Dieses Suffix geht auf das selbständige Wort *šor* 'die Mitte; der mittlere' (vgl. komi *šer* 'die Mitte; der mittlere, zentral') zurück.

4) Von einem besonderen Interesse ist das Suffix *-ni*, das im kukmorischen Dialekt als Relikt erhalten geblieben ist. Das betreffende Suffix fehlt in den anderen südudmurtischen Mundarten, ist aber in den nordudmurtischen Dialekten sehr verbreitet.